

УДК 821.14'06

Л.С. Банах

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Проспект В.И. Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007*

E-mail: lbanaekh@mail.ru

НОВЫЙ ГЕРОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Проводится анализ художественных образов современной греческой прозы, указываются отличительные особенности новой трактовки персонажей, отражающие изменения в тематике и проблематике произведений греческих писателей последнего тридцатилетия XX века.

XX век продемонстрировал возможную влияние отдельного человека на массы и на судьбы человечества (авторитарные режимы, развитие ядерной инженерии, усиление терроризма). В ситуации Греции, после падения режима Хунты вопрос о сущности человека, его возможностях, о пределах его способностей к развитию приобретает исключительно важный смысл.

Современная греческая литература рубежа XX-XXI столетий проявляет обостренное внимание к индивидуальному сознанию, отражая ситуацию, когда личность становится «проблемой», подчёркивая необузданность страстей, чувства безнадежности, страха, отчаяния. Главной целью современной греческой прозы становится раскрытие состояния одиночества, взаимного непонимания людей, фикции общения в мире, где совершается неумолимое крушение традиционных нравственных ценностей – любви, разума, красоты, сострадания.

Целью нашего исследования является проведение анализа смысловой наполняемости категории центрального персонажа в современной греческой прозе. В связи с этим, в качестве основной мы ставим задачу рассмотреть разнообразные подходы к проблеме личности в ее новых трактовках, сопоставить персонажи новогреческой прозы послевоенных десятилетий с характерами 80-х – 90-х годов XX века, провести параллели с персонажами других литератур.

Новейшие прозаики Греции пытаются уловить, художественно осмыслить нравственные потенции современного человека в неопределенности, непредсказуемости их проявлений. Если греческие прозаики 70-х годов создавали образ положительного героя, борца за демократические свободы и независимость своей страны, то в литературе Греции 80-х–90-х годов на первый план выходит носитель отнюдь не передовых взглядов. Писатели уже не показывают рост личности в борьбе и труде, а воспевают замкнутость, уход в страдание и в иррациональный мир, все чаще обращаясь к теме сумасшествия. В то время как создателей произведений, относимых к

послевоенной греческой прозе, волновали преимущественно глобальные проблемы человечества, идеологические столкновения, политическая борьба, современные греческие прозаики, следуя принципам модернистского мировосприятия, погружаются в тайны человеческой души, отделяют личность от социальных отношений, объявляя подлинной реальностью психику изолированного субъекта, воспоминание, впечатление, иррациональную стихию эмоций [1, с. 265]. В связи с этим, на страницах прозы Греции находят отражение судьбы стихийных индивидов, дающих волю своим импульсам, чувствам, страхам, страстям, способных к сильнейшим, эмоциональным движениям, вырывающимся из-под власти разума и самоконтроля человека. Художественное выражение, исследование такого типа поведения выросло в современной греческой литературе в серьезную художественную задачу.

Новые герои греческой прозы, как правило, существуют в мире абсурда, в их судьбах и в их поведении все случайно, необъяснимо, трагично, вокруг них всегда присутствует тайна первородных начал. Они ведут борьбу за существование в обществе, пытаются идти в ногу со временем, но у них это не получается, они не могут приспособиться к новому окружению, к новым требованиям жизни, их удел – состояние одиночества и отчуждения. Все это объясняется особенностями общественной жизни Греции последнего тридцатилетия XX века, с предельно обострившимися чертами «переходности: смены власти, языка, этических норм, форм жизни, умонастроений.

Так, прозаик из Афин Сотириис Димитриу пишет о бесправных людях, обитающих в городских центрах. Писателя интересуют не столько политические или общественные причины явлений, сколько нарушенная психика его героев. Димитриу описывает их внутренний мир, психологические проблемы в пределах замкнутого пространства. Во многих рассказах Димитриу потрясенное, отчаянное «сознание» героя становится толчком к помешательству, к бессилию разума перед лицом жизненных противоречий, становится причиной озлобления на людей, приводит к ненормальному сексуальному поведению и окончательной деградации. В связи с этим, тема сумасшествия и абсурдности существования проходит через все творчество данного писателя. Его герои теряют связь с окружающим миром, попадают в лечебницы для сумасшедших или дома престарелых. Так, в рассказе «Γέλα, πουλί μου» – «Смейся, моя птичка» бездетная женщина сходит с ума после смерти своего мужа. В рассказе «Ασπρούλα» – «Беленькая» помешательство женщины происходит от потрясений, которые она пережила, работая в общественной уборной. Иногда у героев Димитриу исчезает способность членораздельно разговаривать, а в моменты стресса они начинают петь (например, албанка в рассказе «Ντιάλιθ' ιμ, Χριστάκη» – «Мой

малыш, Христаки» после смерти своего ребенка поет ему на албанском языке колыбельную, а в рассказе «Το κιντόι» поет старик, выгнанный сыном из дома).

Концепция личности в трактовке Сотириса Димитриу служит ярким примером перехода от реалистического к модернистскому, а затем к позднемодернистскому художественному методу. Стремясь доказать сложность, многогранность человека, и в то же время его запутанность в отношениях и отчаяние, Димитриу использует «прием от противного», то есть преднамеренно создает образы с отрицательной оценкой, с расшатанной нравственностью, с физическими и моральными недугами. Свое стремление писать про ранее недопустимые темы Димитриу объясняет в интервью журналу «Αντί»: «Я чувствую свою обязанность исследовать непознанные районы социального ландшафта» [2, с. 7]. Его рассказы звучат «вызывающе», так как писатель в основном повествует об отклонениях в жизни, настаивая на том, что именно человеческие слабости, болезни, недостатки определяют судьбу человека [там же]. Поэтому, в его творчестве, в основном, преобладает состояние несчастья, что дает основание греческому прозаику и литературному критику Георгосу Химонасу в его статье «Жестокая игра языка прозы» писать о Сотирисе Димитриу: «Тематический выбор несчастья как постоянного человеческого состояния является стимулирующим для писателя» [3, с. 45].

Неудачники, безработные, неграмотные, одинокие люди из низших слоев общества, изгой общества, живущие в парках, больницах, на площадях, свалках мусора, рынках не находили места на страницах книг греческих авторов послевоенного периода. Димитриу же в своем творчестве следует общему стремлению новейшей греческой литературы описывать простых людей, представителей нижних слоев социальной пирамиды, зачастую тех, о ком было не принято писать раньше, которых стыдились и пытались закрыть глаза на их существование. Это стареющие проститутки (рассказ «Βαλέρια»), наркоманы (рассказы «Στο ίδιο μονοπάτι» – «По одной дорожке», «Πολύδροσο Θεσπρωτίας» – «Благодатная Феспротия», «Ο Νίκος εἰν' ἐντάξει» – «С Никосом все в порядке»), гомосексуалисты («Χαρούμενα νερά» – «Радостные воды»), люди тяжелой каждодневной рутины (рассказы «Ο καταμετρητής» – «Измеритель», «Н κορνίζα» – «Карниз»), беженцы, политические эмигранты («Ερημα σύρματα» – «Одинокие провода», «Χαλασμένο χωριό» – «Разрушенное село», «Σαν τα χελιδόνια, λέλε μου» – «Словно ласточки, милый мой»), представители национальных меньшинств: цыгане (рассказ «Το κιντόι», «Μπλεκ»), албанцы (рассказ «Ντιάλιθ'ι, Χριστάκη» – «Мой малыш, Христаки», роман «Ν' ακούω καλά το όνομα σου» – «Да будет имя твое благословенно»). То есть, создаваемую

Димитриу реальность можно назвать «миром низов» или «пограничным, маргинальным миром».

В сборнике рассказов «Н βραδυτορία του καλού» – «Добро приходит с опозданием» происходят изменения в изображении героев. Они наделяются душевной глубиной, автор приводит читателя к мысли о том, что даже у того человека, от которого мы отворачиваем свой взгляд, есть скрытый, многогранный внутренний мир.

Во многих рассказах Сотириса Димитриу возникает тема уборки мусора («Απών» – «Присутствует», «Το πέρασμά του» – «Его мимолетная жизнь», «Χαλασμένο χωριό» – «Разрушенное село»). Этот факт не стоит объяснять лишь тем, что Димитриу работал в афинском муниципалитете ответственным за чистоту в городе, понятие «мусор» в его творчестве может рассматриваться метафорически, так как современное общество засорено и нуждается в очищении. Необходимы также и люди, внутренне чистые, бескорыстные, много выстрадавшие, способные его очистить.

Большое внимание в творчестве Димитриу уделяется ставшей актуальной в последнее время проблеме внутренних и внешних эмигрантов. Так, рассказы «Ερημα σύρματα» – «Одинокие провода», «Σαν τα χελιδόνια, λέλε μου» – «Словно ласточки, милый мой», «Χαλασμένο χωριό» – «Разрушенное село» посвящены теме поисков работы греками в других странах, а рассказы «Γιαβρί μου» – «Дорогой мой», «Ντιάλιθ'ι, Χριστάκη» – «Мой малыш, Христки» повествуют про приток цыган, албанцев, политических беженцев в Грецию. При разработке данной темы Димитриу ставит своей целью воспитать чувство уважения к людям других культур. «Нужно воспитывать друг друга, уделяя этому много труда» [4, с. 4] – считает писатель, полностью следуя современному плюралистическому постмодернистскому подходу, заключающемуся в том, чтобы «понять чужую культуру, преодолеть чуждость, научиться жить вместе с чужим» [5, с. 174].

В основном на страницах рассказов Димитриу представлены патологические личности. Следуя классификации Карла Леонгарда («Акцентуированные личности») [6], созданные им образы можно подразделить на несколько типов. Прежде всего, выбираются застревающие личности, обнаруживающие проявление каких – то индивидуальных черт, идей, мечтаний, обладающих тенденцией перехода в патологическое состояние. Чаще всего это обусловлено силами сверхчувственными или коренящимися в бессознательном. Бессознательное (неосознанная психическая установка личности) в поведении персонажей Димитриу приобретает различные формы: бунта (поступок мужчины, бьющего в церковные колокола в рассказе «Να χτυπήσεις τις καμπάνες» – «Ударь в колокола» как протест против однообразной, проходящей по общепринятым правилам жизни), навязчивых идей, приводящих к помутнению рассудка (идея чистоты в рассказах «Ток,

ток – ток, ток», напрасно прожитой жизни в рассказе «Κύστη» – «Киста»), сексуальной неудовлетворенности, приводящей к помешательству героев рассказов «Ὡς κόρην οφθαλμοῦ» – «Как зеницу ока», «Ζερόβιτάλ» – «Зеро-вита́л», «Ἀντρας ἀπὸ τῆ Βουλγαρία» – «Муж из Болгарии». Димитриу изображает процесс постепенной деградации человека в результате моральных травм, чаще всего полученных в детстве, невоплощенных желаний, скуки, тоски, физической и умственной усталости, навязчивых идей. Писатель показывает, как подавление физиологических потребностей искажает человеческую сущность, приводит к состоянию паранойи, часто толкая за спасением к наркотикам.

Новый герой греческой прозы, отрываясь от общества, пребывает в состоянии одиночества и отчуждения. Ситуация существования отверженного человека среди массы разносторонне варьируется в рассказах Димитриу, считающегося, что все люди, в сущности, одинокие изгнанники [4, с. 4]. В рамках данной темы, писатель обращается к вечной теме поисков молодым человеком, выходцем из северных районов Греции или из расположенных неподалеку от Афин сел, своего места в городской суете и его столкновения лицом к лицу с неизбежной, жалкой действительностью жизни бесправного человека. Но при этом писателя больше интересует не тема «провинциала» с его невидимой трагедией, а скорее тема медленного помешательства человека, находящегося в общественной скорлупе. Состояние сумасшествия раскрывается шаг за шагом в наблюдениях за мелочами каждодневной жизни, а не через значительные события. Обладая способностью тонкого наблюдателя, Димитриу представляет читателю картину катастрофического существования современных греков, особенно под влиянием процесса урбанизации.

Тревожно-застревающие личности в рассказах Димитриу жаждут самоутверждения и признания. Например, рассказ «Н βραδυτορία του καλού» – «Добро приходит с опозданием» начинается фразой «Προσέχτε με, προσέχτε με» – «Заметьте меня», в которой заключается вся драма жизни героини, одинокой, непонятой, обиженной на безразличие окружающих женщиной. В данном рассказе показ ситуации вокруг главной героини сублимируется в повышенный интерес к состоянию внутри – углубленности женщины в саму себя. Мир героини модифицируется в развернутую метафору чуждости окружающему миру, который она пыталась заинтересовать собой и заставить оценить свою неповторимость.

Не менее интересуют писателя тревожно – боязливые, слабохарактерные личности, не способные противостоять нападкам извне. Ярким примером является главный герой рассказа «Γρήγορα, Γρηγοράκη» – «Быстрее, Григора́кис», болезненно скромный и неуверенный в себе молодой человек. Он поддается настояниям цыгана, работавшего с ним в смене, выпива-

ет и падает в мусорную яму, что чуть не стоит ему жизни. Будучи назначенным управляющим над двадцатью рабочими, он позволяет своему предшественнику командовать и подрывать свой авторитет в коллективе. Беспомощность, неумение отстоять собственное человеческое достоинство и самоутвердиться отражают трагическую неприспособленность этого человека к миру.

В рассказах Димитриу основной акцент делается на внутренние противоречия в герое, живущем одновременно в двух трагических мирах: в своем внутреннем и во внешнем (в этом начинает проявляться постмодернистский принцип «двойного кодирования»). Так, в рассказе Димитриу «Διπλός» – «Раздвоившийся» у парня происходит раздвоение личности, он одновременно представляет себя ребенком и взрослым. Эта трагичность двойственности проявляется также в игре масок (в чем находит выражение постмодернистский принцип игры), скрывающих истинную сущность персонажа. То, что Сотирис Димитриу показывает как проявления силы, жестокости, злости в действительности является маской, прикрывающей слабость и ранимость, бессилие и отчаяние человека, происходящие от путаницы моральных канонов, от слабости самосознания личности. Так, героиня уже упоминаемого рассказа «Η βράδυτορία του καλού» – «Добро приходит с опозданием» под ненавистью к знакомым, злорадством над чужими несчастьями, поиском информации о бедствиях, смертях, неизлечимо больных прятала свою невостребованную любовь и нежность, свое желание помогать и сочувствовать. Даже когда в качестве главного героя выбирается человек, преступивший закон, Димитриу показывает двойную природу его поступка. Например, в рассказе «Ο λεηλάτης» – «Грабитель», в котором повествование ведется от лица женщины, совершившей убийство своего любовника, автор описывает это преступление как защиту женщиной своего оцерненного достоинства, как самозащиту от морального надругательства.

Некоторые современные греческие критики сомневаются, могут ли экстремальные характеры и ситуации позволить читателю создать адекватное представление о действительности. Димитрис Хатзис в неопубликованной лекции 1989 года о современной прозе выразил негативное мнение по поводу тенденции современной греческой прозы фокусировать внимание на мире преступников и бедноты. Он не считает возможным, изображая людей из низших слоев общества, отражать интересы остальных и предлагать какое – либо решение проблемы. Но он же говорит в заключение, что «мир низов не противоположен общей массе, а является ее частью». Тогда возникает вопрос, почему нельзя добраться до целого через часть. А ведь именно это и пытается сделать Димитриу, через [отдельный] микрокосмос изображая окружающий мир.

Иногда современные греческие прозаики выбирают в качестве главного героя своих произведений человека, преступившего закон, причем именно ему отводится роль повествователя. Так, известная писательница Маро Дука свой последний роман «Ουράνια μηχανική» – «Небесная механика» (1999) посвятила всем заключенным, т.е. миру людей, от которых общество отвернулось, а в качестве главного героя выбрала несовершеннолетнего преступника Иаковоса Дальяниса, которого обвинили в ограблении банка и в преднамеренном убийстве. То есть, в образной системе происходит тотальная десаκραлизация, в результате чего на авансцену выходит пародийный симулякр «сверхчеловека» – взбесившегося «маленького человека», циника, хулигана, грубияна и жертвы одновременно [7, с. 183]. Явно заметным становится смещение акцентов в сторону постмодернистского художественного метода. Иаковос Дальянис – это уже не политический заключенный, борющийся за демократические свободы, перед нами уголовный преступник, осознанно совершающий беззакония и отбывающий наказание в исправительной колонии, своими деяниями поставивший себя вне общественных канонов и связей. Он считает, что нравственно ответственен только перед собой и суд окружающих для него безразличен. Это одиночка, решившийся бунтовать против законов и правил современного мира, доведший свой бунт до презрения и недоверия к людям. Не сумев приспособиться к условиям окружающей действительности, ожидая легкой и обеспеченной жизни, Иаковос бежит в мир воображения, путает действительность с миром кино, представляя себя исполнителем главных ролей в американских боевиках, примеряя на себя роли, сыгранные его любимым актером Аль Пачино. В этом уходе в выдуманный мир проявляется постмодернистская стратегия амбивалентности, когда за реальным прячется фантастичное. Иаковос считает себя сильной личностью, лидером, о чем свидетельствует постоянно исполняемая им песня Джона Ленона “Working class hero is something to be” – «Герой рабочего класса что-то должен из себя представлять» (перевод мой – Л.Б.). И, желая доказать свою уникальность, силу воли и неустршимость, он совершает ограбление банка, совершенно не задумываясь о последствиях. Для него это лишь игра во взрослого гангстера. По признанию самой писательницы, в образе Иаковоса она пыталась показать «настроения современной молодежи» и что может произойти с ними, если они применяют свою философию на практике [8, с. 8].

В романе «Небесная механика» эхом отзываются тексты Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Джерома Дэвида Сэлинджера («Над пропастью во ржи» 1951), что находит отражение в невольно напрашивающихся параллелях образов. Так, главный герой романа М. Дука, Иаковос, так же, как Родион Раскольников, противопоставляет себя «обыкновенным» людям. Он считает, что имеет право преступить нрав-

ственные законы. Но, в отличие от Раскольникова, Иаковос не пытается доказать своим преступлением себе и окружающим, что он сильная натура. Он просто не желает терпеть нищенское существование и хочет быстро разбогатеть. Сначала Иаковос думает, что не совершает ничего противозаконного, но затем он, как и Раскольников, понимает, что одно преступление влечет за собой разложение и нравственную деградацию личности. Иаковос говорит: «Το θύμα ἔχει ἐλλίδα να σωθεῖ, ο θύτης ποτέ» – «У жертвы есть надежда на спасение, у убийцы – никогда» [9, с. 327]. Оба героя считают, что нравственно ответственны только перед собой, и суд окружающих для них безразличен. Однако своим преступлением они ставят себя вне общественных устоев и связей. Перекликается в этих двух романах и тема человека, которому некуда пойти. У осужденных Кассаветии (колония для несовершеннолетних преступников) в романе греческой писательницы нет матерей, родственников, друзей. Это одиночки-бунтари, а их жизненные теории больше похожи на экономическую теорию Петра Лужина – жениха сестры Раскольникова, считающего, что каждый человек должен заботиться о «личном интересе», превращая грабеж и убийство в нормальный закон жизни. Осужденные Кассаветии считают, что если все позволено «верхам», то почему они не могут тоже делать, что хотят. Однако у Маро Дука нет той веры в нравственное возрождение преступника, какое мы видим в конце романа Достоевского. Ее герой Иаковос погибает от руки приятеля в драке, довольно бессмысленно завершая свой жизненный путь. Однако мысль Достоевского о том, что человеку следует руководствоваться в своих поступках сердцем и религиозной верой, находит отклик в романе греческой писательницы в образе библиотекаря Акакия. Он говорит, что тоже мог бы убить своего отца, видя, как тот мучил мать, но не сделал этого, так как был в нем страх гнева Божьего [9, с. 342].

Сама писательница признается, что при работе над романом «Небесная механика» она перечитывала роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» [10, с. 88]. Поэтому совершенно не случайными становятся общие черты главных героев этих произведений. Учебой оба не интересуются, если не считать литературу. Товарищей у них нет, в девушках они разочарованы. Они одинаково пытаются купить веселье в ночном клубе, выпивают, общаются с проституткой. Оба остро реагируют на проявление фальши, максималисты, что мешает им приспособиться к жизни, пытаются найти свое призвание. Иаковос начинает преподавать литературу в исправительной колонии, Холден намеревается спасти маленьких детей от падения в пропасть. Иаковос также, как и Холден Колфилд представляет себя героем кинолент. Но, если Холден сам осознаёт, что кинематограф на него оказывает плохое воздействие («Проклятое кино! Вот что оно делает с человеком» [11, с. 77]), то Иаковос живёт в этом мире, словно параллельно реальному.

Оба героя переживают психологическое отчуждение, что проистекает из их взглядов на мир. Они чувствуют себя отъединенными от старших, не верят им, и хотя у обоих отцы богаты (у Холфилда отец юриконсульт, у Иаковоса – владелец крупного ресторана), оба не хотят обратиться к ним за помощью. Таким образом, одной из главных в рассматриваемых произведениях становится проблема отчуждения детей в собственной семье, и раскрываются причины образования пропасти между детьми и родителями.

Принимая во внимание тот факт, что проблема игры приобретает особенную актуальность в постмодернизме, мы можем отметить, что карнавальная тенденция (термин Бахтина) выступает одной из характерных черт романа «Небесная механика». В данном произведении перед нами предстает широкая картина людских мучений в мире, похожем на карнавал, где путаются лица и маски. Так, например, Иаковос не знает, чему поверить: «*πότε ὅτι ἔχει πέσει σὲ σπείρα μεγάλων ἀπατεῶνων, πότε ὅτι βρίσκεται στα χέρια τῆς ἀστυνομίας*» – «временами, что он попал в банду отъявленных мошенников, иногда, что он находится в руках полиции» (перевод мой – Л.Б.). [9, с. 97]. Можно даже сказать, что Кассаветия становится сценой театра, на которую поднимаются действующие лица карнавала, а мир вне тюрьмы служит кулисами, где люди учат роли, которые они потом сыграют на сцене. Мир заключенных в Кассаветии, таким образом, является микросхемой классового общества.

Действие романа разворачивается в двух мирах, в мире тюремного заключения молодых и мире приспособленчества и фальши старшего поколения. Неизлечимо травмированные психологически, с искаженными чувствами взрослые герои, кажется, существенно не отличаются от юных заключенных Кассаветии. Находящиеся на свободе отец Иакова, Нестор, владелец ресторанов в Страсбурге, его тетя Антигона, директор лицея, отец Рихардоса, всеми уважаемый филолог, таят в себе ужасные секреты, которые делают их ещё более не свободными, чем те, кто сидит за решеткой. Начальник колонии Капсалис притворяется культурным, передовых взглядов руководителем, но на самом деле он думает лишь о том, как сохранить своё место. Подобная трактовка образов дает возможность писательнице так охарактеризовать свой роман: «Это книга не только о тюрьмах для несовершеннолетних, но скорее – о большой тюрьме, в которой все мы живем» [9, с. 84]. Роман, раскрывающий те пороки общества, о которых мы читаем в газетах и смотрим в новостях по телевидению: о грабежах, разбоях, смерти из-за передозировки наркотиков, о неблагоприятном влиянии телевидения, об арестах и заключениях, о коррумпированности полиции, звучит как предостережение гражданам современной Греции.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сказать, что современная проза поднимает интерес к моральным ценностям, заставляя читателя

внимательно посмотреть на основные искажения нашего времени, такие, как проституция, расизм, наркозависимость, коррумпированность вышестоящих, деградация молодого поколения, повышение числа психических заболеваний, увеличение преступности, обострение проблемы поколений.

В связи с этим, современные греческие прозаики преднамеренно создают образ антигероя, у которого из-за жестокости общественных условий начинается разрушение психики, героя, находящегося на грани нормы и безумия, психического здоровья и болезни, законопослушности и преступления. Выбор патологических личностей позволяет ярче продемонстрировать искажения современного общества потребления, выбор экстремальных сюжетов и ситуаций служит не только средством создания сильного эстетического впечатления, но и помогают осветить проблемы «мира низов», которому практически не уделялось внимание литераторов в предыдущие десятилетия. Современные греческие прозаики изображают человека ужаснувшегося, отчаявшегося и обреченного на вечный бунт против мира обезличивания и разобщения людей, бунт, разрастающийся до духовного мятежа, противопоставленный приспособленчеству, сытости, доминированию социальных связей над моральными законами.

Все это позволяет говорить о том, что в прозаических произведениях греческих авторов последнего тридцатилетия XX века именно через категорию центрального персонажа, неотъемлемыми качествами которого становятся болезненность мировосприятия, замкнутость в бесконечном хаосе ощущений и страхов, запутанность во времени и в социальных отношениях проявляется направление позднего модернизма.

Библиографический список

1. Мотылева Т.Л. Зарубежный роман сегодня / Т.Л.Мотылева. — М.: Сов. писатель, 1966. — 471 с.
2. Μενδράκος Τάκης. Των αφανών / Τάκης Μενδράκος // Αντί. — 27 Μαΐου. — 1994. — С. 7.
3. Χειμωνάς Γιώργος. Το σκληρό παιχνίδι του πεζού λόγου / Γιώργος Χειμωνάς // Βήμα. — 3 Ιανουαρίου 1988. — σ. 45.
4. Παλασπούρου Σταυρούλα. Συνέντευξη με τον Σ. Δημητρίου / Σταυρούλα Παλασπούρου // Ελευθεροτυπία. — 9 Ιανουαρί, 1994. — σ. 4.
5. Малахов В. Парадоксы мультикультурализма / В.Малахов // Иностранная литература. — 1997. — № 11. — С. 174.
6. Леонгард К. Акцентированные личности / К. Леонгард / Пер. с нем. В.М. Лещинская. — К.: Выща шк. 1989. — 374 с.
7. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма/ Н.Б. Маньковская. — СПб: Алетейя, 2000. — С. 348.
8. Παπαγεωργίου Χρίστος. Φυλακές: Ένα ερέθισμα / Χρίστος Παπαγεωργίου // Αυγή. — 14 Νοεμβρίου. — 1999. — σ. 8.
9. Δούκα Μάρω. Η ουράνια μηχανική / Μάρω Δούκα. — Αθήνα: Κέδρος, 1999. — σ. 554.

10. Μηνιαία επιθεώρηση του βιβλίου. Συνέντευξη με την Μάρω Δούκα// Διαβάζω. — Δεκ 1995. — σ. 80–98
11. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи / Дж.Д. Сэлинджер /Пер. с англ. и предисловие Р. Райт-Ковалевой. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 256 с.

Πоступила в редакцию 3.09.2005 г.